

УРОКИ БИБЛИИ

На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяносто девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии...

От Луки Святое благовествование (15-7)

Впервые мне попала в руки Библия в 1961 году. Это было в Рязани на четвертом курсе медицинского института. Дал мне ее на два месяца мой друг Ким Григорян, с которым учился в школе в параллельном классе. Книга в черной кожаной обложке была издана в Нью-Йорке. Так что читать приходилось втайне. Два месяца, каждый день, все шестьдесят дней кряду я читал, как оказалось, самую сложную в моей жизни книгу. И в обещанный срок вернул хозяину. Я не позволил бы осквернить Священное писание хотя бы одной черточкой, тем более что книга была чужой, поэтому делал для себя выписки. Долго еще находился под колоссальным впечатлением от самого факта, что попробовал запретный плод с каким-то необычным «вкусом». Лишь через полгода осознал, что меня, равно как и все мое поколение, жестоким образом обокрали. Впервые в возрасте двадцати шести лет взял в руки Книгу книг, и оказалось, что я не готов был ее освоить, вобрать в себя ее суть и смысл. Хотелось перечитывать вновь и вновь. Но ничего нельзя было поделаться. Своей книги у меня не было. И я примирился с той реальностью, что мы живем в атеистической стране, где даже в медицинском институте сдавали зачет по научному атеизму.

Так уж получилось, что вскоре после того, как прочитал я Библию, в Москве купил только что увидевшую свет книгу с цинично-ироничным названием «Забавная Библия». Автор — французский журналист Лео Таксиль, которого охотно печатали в СССР. Еще в 1926 году научное общество «Атеист» выпустило книгу Таксиля под названием «Занимательная Библия». Второе издание вышло в 1930 году. И вот в 1961 году в «Политической литературе» 250-тысячным тиражом книга была напечатана уже под названием «Забавная Библия». В аннотации отмечается, что автор «с неистощимым юмором разбирает нелепость (? — *З.Б.*) Библии» и что «советский пропагандист,

ведущий атеистическую работу, получит богатый материал, прочитав эту книгу, которая иллюстрирована большим количеством сатирических (? — З.Б.) рисунков».

Признаюсь, я не смог прочитать до конца этот пасквиль. И все равно не остался равнодушным к самой книге. Такое было впечатление, что мне нанесли шоковый удар. Меня больше всего поразило предисловие, написанное с патологическим восторгом. И у меня вызывал просто омерзение чудовищный тираж. Книгу эту я не выбросил. За годы учебы в Рязани у меня набралась неплохая личная библиотека. Около двухсот книг. Я их потащил с собой на Камчатку и через десять лет вместе с целой прорвой других привез в Ереван. Несколько раз перевозил с места на место свою библиотеку и всякий раз, расставляя тома по полкам, «Забавную Библию» засовывал куда-нибудь вглубь.

Недавно, разыскивая какую-то книжку, я обнаружил увесистый том в плотной серой обложке. Это была «Забавная Библия». Перевернул обложку и обнаружил что одна страница форзаца вся исписана каким-то текстом. Внизу дата: «13 февраля 1962 года, Рязань», и мои инициалы. Мне было двадцать семь лет. Вот что тогда я писал: «Я не против Лео Таксила. Не разделяя его точки зрения и вообще воззрений, я, тем не менее, оставляю за ним право высказывать свою точку зрения и придерживаться своих воззрений. Но вот тот факт, что официальная пропаганда печатает этот пасквиль четвертьмиллионным тиражом — это, по меньшей мере, чудовищно и даже опасно для всех христиан СССР. Ведь у нас научный атеизм бьет в основном по христианству, по Библии. Тем самым противопоставляют одну религию другой. Неужели нельзя не видеть и не предвидеть: чем все это кончится?»

Более сорока лет спустя, перелистывая страницу за страницей и вспоминая некоторые детали, я обнаружил на двух сторонах второго форзаца книги «постскрипtum», написанный мной в Рязани в тот же день тринадцатого февраля 1962 года: «Для меня не важно, есть Бог или нет (сейчас я думаю иначе — З.Б.), точны все детали Библии или нет. Я совсем недавно прочитал от корки до корки Библию, а затем и Коран и пришел к выводу, что нужно, чтобы Бог был. Хотя бы — в нас. В каждом из нас. Для меня, как для врача по образованию, Бог — это и мораль, и эволюция, и философия, и уважение к «отеческим гробам», и еще раз мораль, мораль, мораль... В этом смысле я более чем верующий. И пусть все Гольбахи и Таксилы сколько

хотят измываются над Библией, которая, кстати, спасла и Францию, и саму Европу вообще с помощью христианской морали. Ибо именно мораль легла в основу христианской цивилизации».

С тех пор много воды утекло. Многое изменилось как в нашей жизни, так и в нашем сознании. По крайней мере с тех пор прошел срок, тот отрезок времени, который обозначил Моисей для изменения менталитета целого народа. Сейчас в моей библиотеке можно насчитать множество экземпляров Библий на армянском и русском языках, в том числе Библии для детей, для самых маленьких. Как и сорок лет назад, считаю Книгу книг очень сложной, требующей особого умения и особых навыков для чтения. Но самое главное то, что Библия, где бы я ни был, является для меня книгой настольной. Она для меня и школа, и университет, и школьный учитель, и университетский профессор. А учитель и профессор прежде всего ассоциируются с уроком. При чтении Библии создается такое впечатление, что проходишь уроки жизни, знакомишься с опытом истории.

В библейской истории, как известно, тяжелее всех пришлось именно Моисею и Аарону, то есть тем, кто освободил целый народ от рабства. Дело в том, что путь к свободе всегда был тернистым. Бывшему рабу всегда тяжело пережить испытание свободой. И когда в дороге, как это было во время Исхода, наступала жажда, то люди бросались камнями в своих освободителей, требуя дать им воды. И Бог выручал. Когда кончился хлеб, опять же они взяли за камни, и посыпалась с неба манна, из которой можно испечь вкусный хлеб. И так каждый раз, при каждом препятствии можно было слышать упреки в адрес Моисея: «Зачем ты привел нас умирать в пустыню? Лучше было бы нам оставаться в рабстве у египтян». И длилось это не год, не пятнадцать лет, а целых сорок. Борьба против раболепия оказалась куда страшнее и куда тяжелее, чем борьба против жестокости рабовладельцев. И то, что написано в Библии, испытали многие народы.

По сути, Библия впервые в истории человечества показала, что переход от одной формации к другой не может проходить гладко, что сам процесс перехода чреват истерией и нытьем, расколом и заговорами, интригами и коварством, террором и ностальгией. И в этом есть своя логика, своя закономерность: не может без боли происходить ломка стереотипов и менталитета, привычек и догм. И вряд ли кто дожил бы до встречи с реальной свободой, если бы действительно не усвоил послан-

ные Господом Богом через Моисея десять заповедей, начертанных на скрижалях. Так появился первый и, пожалуй, самый совершенный и краткий Основной Закон. И спас он идущие по тернистому пути к свободе народы, больше всего страдающие по беззаконию. А беззаконие приводит к противостоянию. Противостояние строит баррикады в родном отечестве. Отечество, как в воздухе, нуждается в примирении.

Вся Библия густо испещрена мириадами формул, являющихся панацеями от раздоров, расколов, неприятий и мести. И в основе их лежат такие поистине божественные понятия, как Обращение, Покаяние и Прощение, без действительного осознания и восприятия которых мы можем сегодня потерять многие наши обретения. Ибо с нами произошло и происходит то, что во все времена происходило со всеми народами, переживающими Исход и переходный период.

Я не собираюсь давать кому-либо оценки, которые вправе ставить только учитель. Не случайно Христа называли великим словом «УЧИТЕЛЬ». Перед нами стоит другая дилемма. Одного и того же человека (политического лидера, полководца, героя) одни причисляют к лику святых, другие — к Иуде. Кто праведник, а кто грешник — судить не нам. Мы лишь обязаны вспомнить уроки от Луки: «Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию», а также «дать уразуметь народу: Его спасение в прощении грехов», от Матфея: «Сотворите же достойный плод покаяния»... который является предтечей плода прощения.

Вряд ли кто может позволить себе воспринимать библейские постулаты как некие идеологические или юридические догмы. Речь в конечном итоге идет о концепциях. Еще в древних армянских судебныхниках, вбирающих в себя библейскую логику, красной нитью проходит мысль о том, с какой осторожностью нужно судить в мирное время за поступки, совершенные в годы лихолетья. Не говоря о том, что святая святых во всех этих делах — ответ на поистине эзоповский вопрос: «А судьи кто?» И особую остроту принимает этот вопрос, когда на фоне всеобщего переходного периода переживает «свой» переходный период (реформа) сама судебная власть. В такой ситуации прокурорами и судьями, адвокатами и палачами становится уже всякий и каждый. И на этот счет есть ответ в Библии: «Итак, неизвинителен ты, всякий человек, судящий *другого*, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя...» (Послание к римлянам, 1-4).